

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1939 · Ленинград

С. Л. ВОЛИН

Новый источник для изучения хорезмийского языка¹

В июне 1936 г. астраханский корреспондент Института Востоковедения Академии Наук СССР С. А. Алимов, благодаря которому рукописное собрание института обогатилось уже многими небезинтересными вещами, прислал очередную партию арабских, персидских и татарских рукописей. В своем письме С. А. Алимов указал, что в этой партии находится рукопись арабского сочинения «كتاب القنية», к которой приложено объяснение слов хорезмийского языка, находящихся в основном сочинении, иначе говоря, нечто вроде хорезмийско-арабского словаря.

До недавнего времени о хорезмийском языке было известно чрезвычайно мало.² Географы X в. отмечают, что население области по нижнему течению Джейхуна (современной Аму-дарьи) — Хорезма говорит на особом языке, непонятном для жителей других стран; из приводимых ими этимологий некоторых названий можно извлечь несколько слов этого языка. Так, название Хорезм, Макдиси³ объясняет как хвār⁴ 'мясо' + ризм 'дрова'. Истахри⁵

¹ Сообщение на заседании Ассоциации арабистов при Институте Востоковедения Академии Наук СССР 11 октября 1936 г.

² Большая часть приведенных ниже данных уже была собрана В. В. Бартольд в работе «К истории орошения Туркестана», СПб., 1914, стр. 77, и статье «Khwarizm» в «Энциклопедии Ислама». Характеристика хорезмийского языка по имевшимся до сих пор данным дана Н. W. Bailey в «Энциклопедии Ислама» под словом «Perse». История и исторической географии средневекового Хорезма посвящены работы: E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm, Wien, 1873; Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве, СПб., 1877; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902 (Изв. Турк. отд. Русск. Географ. общ., т. IV, вып. 11); А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча, Л., 1930 (Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2) и др. Много данных в общих трудах по истории Средней Азии, особенно: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900; он же, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

³ BGA III, 285, 10.

⁴ На произношение «Хваризм» указывает Якут (II, 480, 12) и древнерусское название Каспийского моря «Хвалимское».

⁵ BGA I, 301, 11.

объясняет название канала Гаухвара как 'еда коров'. Ибн-Фадлан упоминает слово *بکند* 'хлеб'.¹

По одному сообщению Бейхаки² еще в XI в. существовала письменность на хорезмийском языке. Можно думать, что тогда еще сохранялся древний хорезмийский алфавит. Якут, писавший в начале XIII в., указывает, что в Курдаре — нижней части Хорезма — был свой язык, не хорезмийский и не турецкий.³ Название одного селения в Хорезме, Нузкаса, он объясняет как Нуз — 'новый' + кас — 'отдельная усадьба'.⁴ У Сам'ани (XII в.) хорезмийское выражение *انبیزک ست* переведено персидским *بیرونی ست* — «внешний есть»; вместо *ست* в первом случае надо, очевидно, читать *یت* — часто встречающаяся в нашем материале хорезмийская связка 3 л. ед. ч.⁵ Однако больше всего материала для суждения о хорезмийском языке до недавних пор давала знаменитая хронология Бируни, где приведены названия месяцев, праздников и несколько других слов; на этих данных Бируни и были основаны все заключения о хорезмийском языке.⁶ В 1927 г. в журнале «Islamica» была напечатана статья о хорезмийских фразах в одном сочинении по фикху.⁷ Это сочинение *Йатимат-ад-дахр фи фетавā ахли-л-'аср* Мухаммеда ибн-Махмуда ат-Тарджуманī ал-Меккī ал-Хорезмī написано в первой половине XIII в. (автор умер в 1245 г.). Оно существует во многих списках; в том числе восемь рукописей находится в константинопольских библиотеках.⁸ В главах этого сочинения, посвященных браку, разводу, клятве и т. п., оказались формулы действительные и недействительные на хорезмийском языке, однако без всякого перевода. В этом тексте хорезмийские слова совершенно искажены; никакого анализа

¹ Изв. Академии Наук, 1924, стр. 244: *کند*, что неверно; в Мешхедской рукописи л. 1686 (по фотографии, находящейся в Институте Востоковедения) *بکند*; у Якута II, 485, 15, *بکند*. Последнее чтение подтверждается нашими материалами.

² The *Tarikh-i-Baihaiki*, ed. Morley, p. 842.

³ IV, 257, 19.

⁴ Там же, IV, 822, 20 и 222, 11.

⁵ Sachau *Chronologie*, S. XVIII; в рукописи Института Востоковедения С 361 (ранее 543a), л. 696 *انبیزدل ست*

⁶ Одно из слов, приведенных Бируни, разобрано покойным Ф. А. Розенбергом в статье «Sogdica» в сборнике «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay», Krakow, 1921, pp. 94—96.

⁷ III, f. 2, SS. 190—213.

⁸ В Государственной Публичной библиотеке УзССР в Ташкенте имеются две рукописи этого сочинения (№№ 254 и 3056), обе довольно новые. Уже после сдачи статьи в печать мне удалось ознакомиться с хранящейся в Институте Востоковедения под шифром ФВ 89 фотокопией венской рукописи Фетавал-'Аср, причем оказалось (и это подтверждается другими данными), что имя автора сочинения Межд ал-Анимма 'Абдаррахим ибн 'Омар ат-Тарджуманī и что сочинение его написано не позже середины XII в.; подробно этот вопрос будет разобран мною в другом месте.

не дано. В той же статье приведено несколько фраз на хорезмийском языке, находящихся в одной из рукописей известного словаря Замахшари *مقلمة الأدب*. Как известно, во многих рукописях этого словаря, помимо изданных Wetzstein'ом арабских и персидских фраз, имеются еще параллельные фразы на других языках; по одной из таких рукописей проф. Н. Н. Поппе в «Трудах Института Востоковедения» издает чагатайско-монгольский словарь. В рукописи этого словаря, находящейся в одной из константинопольских библиотек и переписанной в конце XIV в. рукой одного ученого хорезмийского происхождения, оказалось несколько хорезмийских фраз. Благодаря тому, что писавший сам хорезмиец, текст оказался более исправным и даже частично огласованным. Однако этот материал довольно скуден — он заключает в себе всего около сорока слов. Некоторые замечания по поводу их находятся в указанной выше статье Bailey.

Основное сочинение астраханской рукописи *قنية المنية لتتميم الغنية* *Қынайат ал-мунйа ли-татмйм ал-гунйа* — «Приобретение желанного для пополнения достаточного» — отнюдь не является редкостью: Броккельманом¹ зарегистрировано множество рукописей, находящихся в библиотеках Европы и Востока. Многие рукописи, конечно, остались неизвестны Броккельману, в том числе рукописи Института Востоковедения, о которых ниже. Это сочинение принадлежит хорезмийскому законоведу по имени Наджм-ад-Дйн Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмйни. Как о большинстве авторов, живших после Якута, сведения о нем крайне скудны.² Газмйн (*غزمين*), по которому он носил нисбу, ни у Якута и Самани, ни у географов X в. не упоминается, по Хаджи Хальфе и ал-Лукнави это один из городов Хорезма. Может быть Гарбин (*غربين*) в рассказе продолжателя Рашид-ад-Дина, приведенном В. В. Бартольдом,³ следует читать Газмйн, в таком случае он, вероятно, находился в южном Хорезме. По всем источникам он умер в 658/1260 г., что вполне согласуется с другими сообщаемыми о нем данными, а также с тем, что можно извлечь из самого сочинения. Он принадлежал к ханефитскому толку, но был при этом крайним мутазилистом; как указал еще Гольдциер,⁴ мутазилизм, вытесненный в большин-

¹ Geschichte der Arabischen Literatur, I, S. 382. Suppl. I, S. 656.

² 'Абд-ал-Қадир ал-Қураши *الجواهر المضية في طبقات الحنفية* Хайдербад 1332 г. х., II, стр. 166; 'Абд-ал-Хай ал-Лукнави *الفوائد البهية في تراجم الحنفية* Егип. изд., 1324 г. х., стр. 212; Ибн Кутлубуга, ed. Flügel, № 223; Хаджи Халфа IV, стр. 572, и VI, стр. 222.

³ Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи, Ташкент, 1902, стр. 55.

⁴ Der Islam III, S. 220 f.

стве мусульманских стран, долго продолжал господствовать в Хорезме — вероятно до начала XIV в., а может быть и дольше. По ал-Дукнави наш автор совершал путешествия, был в Бухаре, Багдаде, жил некоторое время в Малой Азии и преподавал там, может быть ездил в Поволжье; постоянно он жил, повидимому, в Ургенче, который он часто упоминает в своем сочинении под арабским названием Джурджанийа. Хаджи Халфа приводит названия шестнадцати его сочинений, но два из них являются частями третьего, а некоторые другие, повидимому, упомянуты им по несколько раз под разными названиями:

1. جامع في الميض (II, 580, № 3983).
2. حاوى مسائل الوقعات و المنية (III, 11, № 4383). Об этом сочинении говорится, что автор использовал для него منية الفقهاء и заменил то, что попало в него из хорезмийского языка — арабским.
3. رسالة في ذكر المخالفين لنبوة نبيينا والجواب عن شبهتهم (III, 400, № 6139), это часть сочинения, указанного ниже под № 5.
4. رسالة في مناظرة بين المسلمين والنصارى و ذكر اسولتهم (III, 445, № 6371), это также часть № 5.
5. الرسالة الناصرية (III, 448, № 6386), об этом сочинении см. ниже.
6. رسالة و بهذا الاسناد في الحديث (III, 452, № 6405).
7. زاد الاثمة في فضائل خصصة الامة (III, 526, № 6760), это то же, что № 14 и, может быть, № 11.
8. الصغوة في اصول الفقه (IV, 106, № 7767).
9. غنية المنية (IV, 399, № 8657).
10. فرائض الزاهدى (IV, 399, № 8983).
11. فضل التراويح (IV, 453, № 9150).
12. قنية المنية (IV, 572, № 9596), это разбираемое нами сочинение.
13. قنية الفتاوى (IV, 572, № 9596), может быть, это то же, что № 12.
14. كتاب الفضائل (V, 130, № 103721), то же, что выше № 7. Это сочинение названо Броккельманом «Fadail Ramadan», соответственно его содержанию.
15. مجتبى في اصول الفقه (V, 382, № 11396).
16. شرح مختصر القدورى (V, 452, № 11625).

Из этого числа Броккельманом зарегистрировано пять — 2, 12, 13, 14 и 16 и, кроме того, одно, не упомянутое Хаджи Халфа *جواهر الفقه*; одно сочинение (выше № 7 = 14) о преимуществах месяца рамазана имеется в Институте Востоковедения,¹ но оно не представляет никакого интереса. Более интересно было бы не найденное пока сочинение 5 — *الرسالة الناصرية* — доказательство истинности мусульманства и опровержение христианства, составленное для Берке-хана, правителя Золотой Орды, как известно, принявшего ислам. По Хаджи Халфе оно написано в джумаде II 658 г. х. (май — июнь 1260 г. н. э.), т. е. перед самой смертью автора. Некоторые цитаты из него приводит 'Абд-ал-Қадир ал-Қурашӣ.² Автор и главное его сочинение Қыңйат-ал-Мунйа пользовались на востоке большой известностью; когда упоминается просто «автор ал-Қыңйи» (*صاحب القينة*), то обычно подразумевается именно он.

Как автор указывает во вступлении к настоящему сочинению, оно представляет собою извлечение из труда его учителя Бедӣ' ибн-Абу-Мансура ал-'Арабӣ³ *منية الغنماء* — «желанная для факихов», который он называет «океаном, в котором собраны такие фетвы, каких не найти нигде». Последнее сочинение, повидимому, до нас не дошло, и об авторе его почти ничего неизвестно. Потребность в кратком руководстве, говорит автор во вступлении, возникла у тех из учащихся, которые были пощажены мечом, и тех, из одетых в туники, т. е. студентов, которые выросли после «всеобщей смуты» — татарского нашествия — «когда исчезли факихи и участились случаи применения шариата, требовавшие своего разрешения». Сочинение — собрание фетв — носит исключительно практический характер, что увеличивает его интерес для нас; фантастические, специально придуманные, случаи имеются, кажется, только в главах о разводе и клятве. Характерно полное отсутствие известных задач о разделе наследств — фарәид, — дающих повод для бесконечных ухищрений. Этот конкретный характер сочинения и обусловил большое количество в нем хорезмийских фраз и отдельных слов в виде формул развода, брака, клятвы, иска и т. д., в виде отдельных слов и названий предметов и даже в виде небольших диалогов. Автором было использовано около ста тридцати сочинений, главным образом среднеазнатского и хорасанского происхождения, в большинстве XI—XII вв.; между прочим, часто цитируется сочинение ат-Тарджуманӣ.

¹ В 1919, прежде Nova 484.

² II, стр. 166—167.

³ Ал-Духнави, ук. соч., стр. 54, называет его ал-Қузбанӣ, у Хаджи Халфы VI, стр. 226, он назван ал-'Ирақӣ. Год смерти его нигде не приводится.

Присланная т. Алимовым рукопись,¹ вероятно, лучшая из всех до сих пор найденных рукописей этого сочинения. Она переписана в раджабе 754 г. х. (август 1353 г. н. э.), менее чем через сто лет после смерти автора, неким Кемалем ибн-Османом, гератцем, но, повидимому, жившим в Хорезме; сам он себя называет «гарибом» — чужестранцем. Место написания рукописи не указано, но по одной приписке она в 760/1359 г. читалась кем-то в «городе Хорезме», т. е. Ургенче. Сохранность рукописи полная, если не считать отсутствия переплета и повреждения кое-где полей и листов, благодаря чему плохо читаются некоторые приписки. Описок очень мало, имеется обильная огласовка, что особенно важно в хорезмийских словах. На полях много приписок, часть которых составлена значительно позже основного сочинения; так, против места, где автор называет татар, т. е. монголов, язычниками, приписано: «а в наше время они уже приняли ислам» (л. 44а). Из всех рукописей, зарегистрированных Броккельманом, только одна каирская рукопись старше нашей — она написана в 725/1325 г.

Вторая рукопись Института Востоковедения² значительно хуже. Хотя она вполне удовлетворительно сохранилась, но написана позже — в 887/1482 г. и, повидимому, не в Хорезме, так как хорезмийские слова почти всюду искажены. Количество ошибок в арабском тексте весьма значительно, но часть их исправлена на полях. Отсутствуют приписки на полях, имеющиеся в первой рукописи. Однако для установления текста она также окажется весьма полезной. Помимо важности лишнего варианта для сравнения, в ней есть отсутствующий в первой рукописи список сокращений, позволяющий установить авторство большинства фетв и тем отнести материал к определенному месту и времени.

То же может быть сказано и о третьей рукописи Института Востоковедения.³ Она куплена в 1897 г. покойным акад. К. Г. Залеманом в Средней Азии.⁴ Сохранность ее неполная, местами, несмотря на последовательность пагинации, нехватает отдельных листов. Последний лист оторван и заменен новым, вследствие чего дата отсутствует, по бумаге рукопись можно отнести к XVI в. Большая часть имеющихся на полях первой рукописи приписок отсутствует. Хорезмийские слова переданы значительно точнее, чем во второй рукописи, но почти нет имеющихся

¹ Теперь С 2311.

² V. Rosen, Notices Sommaires etc., № 116, теперь С 223.

³ С 224, прежде 349 с.

⁴ Изв. Росс. Акад. Наук, т. VIII, № 9, 1898, стр. VII.

там пояснений к ним. В начале на более новой бумаге дан список сокращений, к нему добавлено замечание, что из использованных автором 130 сочинений большинство принадлежит правочерным ученым, но 11 сочинений — они перечислены — принадлежит мутазилитам и к ним следует относиться с осторожностью.¹

Уже персидские приписки на основном сочинении, при высокой степени исправности, делают присланную т. Алимовым рукопись гораздо лучшим источником для изучения хорезмийского языка, чем все до сих пор известное; особенную же ценность придает ей приложение. После окончания основного сочинения следует, также весьма интересная, заметка о хорезмийской монетной системе, затем основная рукопись, имеющая восточную пагинацию, кончается 234 листом и следует приштая, видимо, позже тетрадь в 22 листа, исписанных другим почерком. Тут мы находим три небольших сочинения некоего Джелал ад-Дйна ибн-Мухаммеда ал-'Имадй — так его называет переписчик; сам он называет себя просто Джелал ал-'Имадй: «объяснение слов, которые приведены по-хорезмийски в книге, называющейся Қынийат ал-Мунйа», трактат о фарайд — разделах наследств и трактат об эпитетах, прилагаемых к ученым. Все три трактата переписаны в 755/1354 г. неким 'Али ал-'Аудй с автографа автора, что, однако, не избавляет нас от некоторого числа ошибок: в словаре довольно часто оказываются описки, отсутствующие в основном сочинении, хотя оно и не переписано с автографа.

В начале словаря автор пишет, что его учитель Радй ад-Дйн ал-Қассарй приказал ему написать объяснение хорезмийских выражений, которые попали в книгу, называющуюся Қынийат-ал-Мунйа. Это последнее — краткое и в то же время полное сочинение, небольшое, но всеохватывающее; однако эти хорезмийские выражения не ясны для тех, кто не принадлежит к людям этого языка, трудны для них и заставляют их нуждаться в ком-либо, кто объяснит и переведет. Автор отказался бы от этого дела, считая себя слишком слабым для него — обычная фраза самоуничижения, — но приказание учителя обязательно для ученика; поэтому он приложил все усилия к выполнению этого поручения и не писал перевода слова, оказавшегося для него неясным, пока не спросит людей, искусных в этом языке, к которым обращаются за объяснением, знающих его тонкости и особен-

¹ В Государственной Публичной библиотеке УзССР имеются три рукописи разбираемого сочинения: № 3181, дата списка 701/1301 г.; № 3247, дата 759/1358 г.; № 3246, дата 783/1382 г., в последней рукописи имеется также словарь; к сожалению, она почти абсолютно лишена диакритических точек.

ности; только когда они сойдутся в том, что такое-то значение — настоящее, он вписывал его в свое сочинение. Время составления словаря приблизительно определяется тем, что его автора видел в Ургенче ибн-Батута, посетивший этот город в 1333 г.;¹ других данных о Джелале ал-Имади, так же как и об его учителе, мне найти не удалось.

Словарь построен параллельно основному сочинению и разделен на главы по книгам, на которые делится последнее, начиная с главы о браке — *كتاب النكاح*. Фетвы, содержащие хорезмийские выражения, приводятся большей частью целиком, с соответствующими заключениями, но после каждой хорезмийской фразы вставлен ее перевод, а изредка и какие-либо грамматические замечания (если они требуются самим вопросом, которому посвящена фетва). Переводы хорезмийских выражений частью арабские, частью персидские; очевидно, автор выбирал язык, на котором ему легче было передать смысл хорезмийской фразы.

Объем материалов по хорезмийскому языку, даваемых нашей рукописью, довольно велик. Она содержит, по предварительному подсчету, около трех тысяч слов, возможно, даже больше, так как в основном сочинении есть слова, почему-либо не попавшие в словарь. В это число входят и отдельные слова, попадающиеся в тексте, например (л. 8 а) *قَلْبِيَا دِيك* «раскрашиватель тканей», *اِقْدِيك* (л. 47 а) «подарки жениха невесте» (دست پیمان), небольшие фразы вроде (л. 239 б) *يَا خَوْبَامْ دُغَدَّ*, что переведено «моя милая дочь» (*دختر خوب من*), далее действительные и недействительные формулы брака, развода, клятвы, иска и т. п., например следующая (привожу текст словаря, л. 236а)

قال لاجنبيتيه بالخوارزمية اخبو قاريح ما پرا ذينار اي هل وجرت رضى فى ذلك
بردينار فقالت قارين و يعلمان انه عقد نكاح بينها لا يصح حتى يصرحا بالنكاح
او ما يقوم مقامه

«сказал некто чужой женщине по-хорезмийски *اخبو قاريح ما پرا ذينار*

то есть согласна ли ты на это за динар, и она ответила *قارين*, и они знают, что это заключение между ними брака — [брак] недействителен, пока они не упомянут вслух [слова] брак или то, что заменяет его». Попадают также небольшие диалоги и даже целая фетва, о которой будет речь дальше.

¹ Voyages d'Ibn-Batoutah, III, pp. 6—7.

рукопись дает основание предположить существование в более позднее время письменности на хорезмийском языке арабским алфавитом. На это указывает наличие и в наших рукописях и в константинопольской рукописи Замахшари дополнительных знаков для отсутствующих в арабском алфавите звуков — ع вероятно ц или дз и ف — вероятно губно-губное в .¹ Особенно же указывает на это следующий текст нашего словаря (л. 250 а):²

سُئِلَ خاتمة المجتهدين قدوة المحققين مؤلف القنية نجم الحقّ و الدين في نان
صورت كياستغ وان اى جفت دار وصى واسيد في نفاغان ذروكانيك فارحيانك
حتى تركناه اويّت داخيل اى مهرة كانمخ ارحيانك اى وصى پريخنج واكذاك
فكتب اغاس يعنى فيما اذا اوصت المرأة الى زوجها في مرض موتها في الثلث
من تركتها هل يدخل المهر في الوصية حتى يخرج الوصى ثلثه ام لا فكتب نعم.

«Спросили последнего из муджтехидов, образец для устанавливающих истину, автора Кынийи, звезду истинной веры [следуют 26 слов по-хорезмийски], и он написал: اغاس. То есть: о следующем — если женщина во время смертельной болезни завещает своему мужу треть своего имущества, входит ли махр (вено) в завещанное, так что душеприказчик выделяет его треть, или нет. И он написал: да».

Из этого текста следует, что в середине XIII в. на хорезмийском языке велась переписка даже между юристами; нужно думать, что при этом употреблялся арабский алфавит.

До изучения всего материала нашего сочинения, конечно, не может быть дана сколько-нибудь полная характеристика хорезмийского языка. Однако уже сейчас можно сказать, что, в общих чертах, новый материал подтверждает выводы, сделанные на основании известных ранее отрывочных данных. Хорезмийский язык — язык иранский, восточной группы, находящийся на той же стадии развития, как язык позднейших согдийских текстов и довольно близкий к нему. К приведенным выше примерам можно добавить несколько числительных: 1 — اَبُو, 2 — اَدُو, 3 — شِي, 10 — دَس,³

¹ Ср. употребление этого знака для хорезмийско-турецкого языка — W. Barthold, Eine Zamaḥṣarī — Hs. mit alttürkischen Glossen. Islamica, II, 1—4.

² Это место находится только в одной рукописи, вследствие чего хорезмийская его часть пока не вполне ясна.

³ Только в рукописях Фетана-л-'Аср; может быть следует читать دَس.

هزار — 600, ¹أُخْسِد — 100, سِد — 70, اِفْدَاع — 60, اُخْبِج — 50, يَنْحَاس — 1000; شِيم — третий, قَدَم — седьмой.² Часто встречаются вспомогательные глаголы پارُوَز — ‘становиться’ и اِك — ‘делать’. Характерно значительное количество арабских и персидских элементов — язык нашей рукописи может быть назван «мусульманско-хорезмийским»; весьма вероятно, что если нам удастся найти — а это возможно — аналогичный материал по согдийскому языку, то мы обнаружим, кроме уже известных буддийско-согдийского и христианско-согдийского диалектов, еще и мусульманско-согдийский. Приведу пример слова, представляющего собою соединение элементов двух языков (л. 180б): خدمتكارخيه ‘слуги’ — арабское слово خدمت, персидский или хорезмийский суффикс کار и два хорезмийских суффикса — множественного числа حِي и местоименный 3-го лица هِ.³

Данное сочинение, как видно из всего сказанного выше, является источником исключительного значения для изучения хорезмийского языка в то же время немаловажным историческим источником. Наравне со сборниками документов и руководствами по их составлению — так называемыми инша, биографиями суфиев и ученых и т. п., такие юридические сочинения конкретного характера — сборники фетв — содержат огромное количество материала по гражданской истории. Особенно велико значение таких источников для истории Средней Азии, в которой, как известно, местные исторические сочинения появились только в XVI в. — по крайней мере более ранние сочинения до нас не дошли, — а авторы сочинений, написанных в Иране, Месопотамии, Индии и т. п., естественно, плохо знали события, происходившие в удаленной от них стране, и еще хуже знали подробности ее социального строя. Значение позднейших

¹ Огласовки колеблются, встречается اُخْسِد

² Не значит ли приведенное выше слово — اَفْدِيك ‘семерка’, аналогично часто встречающемуся — شَيْك ‘тройка’; до сих пор во многих местностях Средней Азии свадебные подарки должны состоять из «семерок» разных вещей.

³ Исследование и издание всего хорезмийского материала нашей рукописи предпринято по поручению Института Востоковедения Академии Наук СССР проф. А. А. Фрейманом, при моем участии. Уже после сдачи в печать настоящего сообщения мне удалось ознакомиться со статьей о хорезмийском языке W. Henning’a (ZDMG. 90, S. *30—*36). Henning пользовался материалом того же сочинения, но по другим рукописям. Не будучи лингвистом и иранистом, я не могу входить в обсуждение содержания его статьи, замечу только, что местоимение первого лица единственного числа во всех рукописях дается в форме آز или ناز, но никогда ياز.

юридических сочинений как исторического источника отметил еще голландский ориенталист Th. W. Juynboll,¹ но, несмотря на истекшие с тех пор 26 лет, изучение их совершенно не подвинулось вперед. В. В. Бартольд, привлекавший иногда другие указанные выше категории источников, никогда не касался юридических сочинений. Число сочинений, подобных разбираемому нами, весьма велико, — как я уже упоминал, наш автор использовал около 130 сочинений, почти исключительно среднеазиатского и хорасанского происхождения, рукописи многих из них находятся во многих библиотеках СССР, Европы и восточных стран.

Как и следует ожидать, наше сочинение содержит большое количество материала, не представляющего для нас никакого интереса, но в него вкраплены отдельные сообщения первоклассного значения. Несколько десятков страниц занято различными случаями нарушений ритуальной чистоты — и среди них упоминание какого-то *الدهن الدُّكْلَانِيّ* — буквально «веретенного масла», которое привозится в Хорезм с Болгарского моря; перед этим идет речь о морских зверях (л. 76). Бесконечные случаи брака, развода и споров о махре — и описание каких-то брачных обычаев, причем приводятся различия между городом Ургенчем и сельскими местностями. В главе о вакфе — упоминание об употреблении нефти для ламп, вопреки мнению, что нефть в средние века служила только для военных и медицинских целей.² С этим можно сопоставить упоминание Мухаммеда ибн-Наджиб Бекрана, автора начала XIII в.,³ о добывании нефти на Балхане и об ее перегонке. Довольно обширен материал по всяким ремеслам, по монетной системе, по мерам и весам, разным реалиям, имеющим большой интерес для истории материальной культуры. Но наибольший интерес представляют данные по социальной истории. Много упоминаний об испошине всяких видов: упоминается испоштина с хозяйскими семенами и скотом, сдача земли из половины, из трети и т. д.; повидимому, испоштина — музъра'а была распространена чрезвычайно широко. Особенно часто упоминается испоштина с хозяйскими семенами и скотом, которую наш автор приравнивает к найму. Есть определение, что именно должен делать кешаварз или кедивер. Чрезвычайно интересен последний термин — кедивер, о зна-

¹ Handbuch des Islamischen Gesetzes, Leiden, 1910, S. 55.

² М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934, стр. 59; употребление нефти для освещения тут не упоминается вовсе. Почти все данные заимствованы М. Е. Массоном, без ссылки на источник, у В. В. Бартольда; ср. «Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира», Баку, 1925, стр. 36—37.

³ Рукопись Института Востоковедения Акад. Наук, С 612, л. 23а.

чений которого было много споров.¹ Как известно, этот термин встречается у Нершахи, и текст позволяет видеть в кедиверах зависимых крестьян. Этимологически слово производится от персидского кед и должно значить «домашний человек». По одному месту нашего сочинения (л. 180б) کدیور باغ 'садовник' приравнивается к исполщику при хозяйских семенах; свидетельство их в пользу хозяина رب الارض не принимается. В упомянутом выше тексте (л. 255а) человек отказывается исполнять обязанности кедивера и уходит; повидимому, кедивер нечто вроде «наемного рабочего» в усадьбе. Весьма интересен следующий перечень людей, зависимых от крупного феодала (л. 180б):

امیر کبیر ادعی فشهدوا له بلخ² ای خواججه اود ای مشرفناہ اود ای نایناہ
 اود ای رعیتخجیه لا تقبل شهادتهم

«предъявил иск знатный эмир, и в его пользу свидетельствуют его ходжи, его мушрифы,³ его помощники (набь) и его подданные (райя),⁴ не принимается их свидетельство». Интересно то, что названия всех этих групп, кроме первой, арабские, но с изменениями по законам хорезмийского языка и с хорезмийскими суффиксами множественного числа. Приведенные примеры далеко не исчерпывают всего исторического материала, заключенного в настоящем сочинении; это требует специального исследования, которым я и надеюсь со временем заняться; при этом, конечно, необходимо учесть другие сочинения такого же характера, написанные в Хорезме в XI—XIII вв.

¹ Ср. об этом термине В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 37; он же, Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, Среднеазиатский вестник, 1906, июнь, стр. 5, где словом «крепостной» переведено кедивер персидского текста.

² Т. е. باخوارزمیة

³ Последний термин означал в Хорезме XII—XIII вв. местных финансовых чиновников. Ср. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 406. Этот термин сохранялся в Северном Хорезме до недавнего времени в значении сборщик податей; ср. «Материалы по истории каракалпаков», Л., 1934, стр. 80 и 131.

⁴ Термин 'райя' в источниках, начиная с эпохи сельджуков, часто означает не подданных вообще, а специально крестьян.

А. А. ФРЕЙМАН

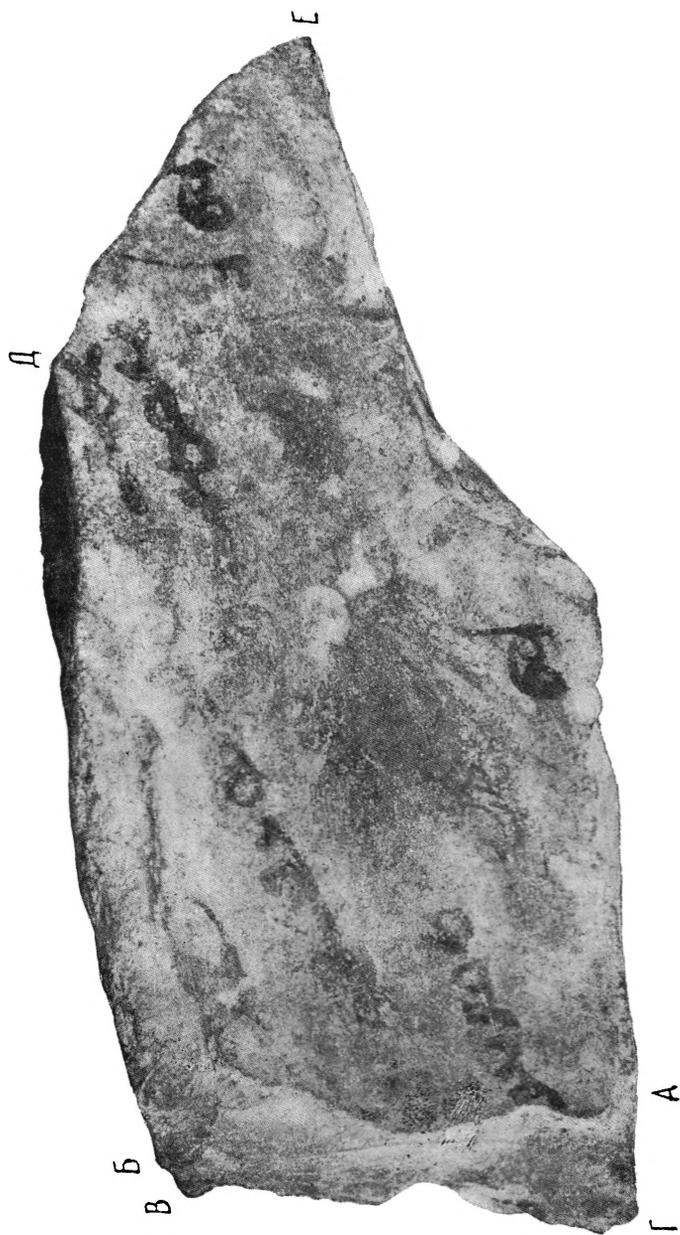
Согдийская надпись из Старого Мерва

К числу согдийских письменных документов, добытых в 1933 г. советскими учеными на горе Муг в Таджикской ССР,¹ прибавился еще один средне-азиатский согдийский документ. При раскопках в Старом Мерве (Гяур Кала) был найден среди разных вещественных документов обломок глиняного сосуда, на обеих сторонах которого имеются надписи. Я получил возможность ознакомиться с документом и убедился, что надписи — согдийские. Опыт чтения этих надписей я ниже предлагаю в надежде, что дальнейшие работы, быть может, позволят уточнить чтение или исправить его.

Названный обломок — из обожженной глины, неправильной формы, слегка изогнутый, длиной в 6.5—14 см, шириною от 1 до 6 см и толщиной в 3 см. На части выпуклой стороны сохранилась глазурь размером в 5 × 7 см (приблизительно около половины поверхности).² Длина вогнутой стороны — от 7 до 12 см. Толщина обломка, быть может, позволит судить о приблизительных размерах сосуда (вероятно, хума), частью которого он был. Весьма существенным является вопрос о том, сделаны ли надписи на обломке сосуда, или же на цельном сосуде, до того как он был разбит. Правильный ответ на этот вопрос мог бы облегчить уточнение культурно-исторической обстановки, в которой были сделаны надписи и в которой был найден обломок. Если бы оказалось возможным установить, что надписи были сделаны на цельном сосуде, то следовало бы заключить, что они сделаны на месте, где они были найдены, *in situ* в Мерве, и что, следовательно, во время, к которому относятся наши надписи, в Мерве было, на ряду с коренным, население, говорившее, писавшее и читавшее на

¹ См. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 7—17, 33—51.

² К сожалению, некоторые внешние особенности обломка, как, например, кривизна поверхности, глазурь, не могли быть показаны на снимке.

согдийском языке, так как трудно предположить, чтобы глиняный сосуд (хум), как можно судить по толщине обломка — значительного размера, был привезен из Согда в Мерв, где подобные сосуды выделялись в достаточном количестве. Если бы, напротив, можно было доказать, что надписи сделаны были не на цельном сосуде, а на обломке его, то допущение о привезении надписей из Согда было бы скорее возможно, и одна данная находка согдийских надписей на обломке сосуда в Мерве, сама по себе, не могла бы еще свидетельствовать о наличии там согдийского населения, согдийской колонии. К сожалению, с уверенностью ответить на этот вопрос трудно. Известно, однако, что согдийцы, будучи вместе с близкими им парфянами посредниками в торговле Китая с Римом, основывали на этом пути торговые фактории, колонии. Существование такой колонии в Мерве в эпоху, к которой относятся наши надписи, а priori вероятно.¹

Наличие надписей на обеих сторонах обломка не давало бы еще возможности говорить о том, что они были сделаны не на цельном сосуде, а на обломке его. Они могли быть сделаны в верхней его части на наружной и доступной для писавшего внутренней его поверхности. Лишь их палеографический и текстуральный анализ вместе с изучением дошедшего до нас обломка мог бы дать некоторые указания по этому вопросу.

Надпись на внутренней (вогнутой) стороне обломка в настоящем его виде (табл. I) состоит из 4—5 строк. Наибольший материал для суждения о надписи и форме обломка к моменту нанесения на нем надписи или об этом обломке как части цельного сосуда дают вторая и третья строка. Контекст этих строк, представляющий адрес, обращение к знатному владельческому лицу, весьма близкий по титулатуре адресата к титулатуре, известной уже нам по согдийским рукописям собрания с горы Муг,² позволяет установить, что последнее слово второй строки связывается непосредственно с первым словом третьей строки, что оно, поэтому, было последним в этой строке, вне зависимости от того, была ли сделана надпись на обломке или на внутренней стороне цельного сосуда. При предположении, что надпись сделана на обломке, вытекало бы, что линия ребра внутренней поверхности обломка А—Б, в нынешнем состоянии обломка, была близка к первоначальной, так как первое слово третьей строки, в котором пять или шесть

¹ С. Л. Волин любезно обратил мое внимание на упоминание арабских источников о существовании в Мерве местности с названием Согд *سويجة الصغد*. См. *Kitâb Al-Ansâb of Al-Sam'âni*, Gibb memorial, vol. XX, p. 318; Jacut's *Geographisches Wörterbuch*, herausg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1868, Bd. III, S. 200, 10.

² Напр. рукопись 19 В 16: *'t βγω γωβω Rβch "wth*.

букв, не умещалось в конце второй и должно было быть перенесено в третью. Форма последней буквы последнего слова третьей строки — загиб ее нижней части влево — заставляет думать, что первоначально она связывалась налево с другой несохранившейся буквой, заканчивавшей это слово. Судя по контексту, это слово, зависящее от предлога 't начала адреса так же, как и второе и третье слово второй строки *βυω γωβω* и предпоследнее слово третьей строки, было оформлено показателем винительного падежа *ακκωβω*. Таким образом третья строка была несколько длиннее, чем ныне. От первой строки сохранились лишь четыре буквы, к тому же лишь две последние более или менее ясные. Контекст первой строки, вероятно заключал название лица, которое писало или от чьего имени писалось обращение, составляющее содержание следующих строк. Поверхность обломка по линии первой строки направо от сохранившихся букв отбита, что, к сожалению, не может быть прослежено на фотографии. Это повреждение и уничтожило начало первой строки. Отбита также часть поверхности выше первой строки; эта небольшая часть также могла первоначально быть покрытой несколькими знаками. Так как последнее слово второй строки, как говорилось выше, непосредственно примыкает в контексте к первому слову третьей строки, а первое слово второй строки является началом адреса, то можно думать, что на обломке левее линии Д—Е, по крайней мере в верхней ее части, где начало второй и третьей строки, текста, связанного с данным адресом, не существовало. Возможно предположить также поэтому, что эта линия (Д—Е) была близка к ребру обломка в первоначальном его виде.

Надпись на наружной (выпуклой) стороне обломка (табл. II) дает мало данных для суждения о его первоначальной форме; все слова этой надписи находятся на глазури, по одному слову в каждой строке, причем от слова в последней (седьмой) строке сохранилась лишь одна буква. Следует думать, очевидно, что первоначальный текст надписи на этой стороне обломка был больше, чем тот, который от нее сохранился, а остальная часть погибла вместе с отпавшей верхней частью поверхности (глазурью).

На боковых гранях обломка, составляющих его толщину (напр.: А—Б—В—Г, табл. 1), нигде следов письменных знаков нет, что могло бы быть некоторым доводом в пользу того, что надпись была сделана на цельном сосуде, а не на обломке. Отношение направления строк на обеих сторонах друг к другу — приблизительно перпендикулярное.

Надписи сделаны черной краской, обычного типа курсивным согдийским алфавитом, известным уже нам по рукописям различных собраний VIII в.

Слово в начале четвертой строки *wt*, как видно на фотографии, написано жирно, в то время как от другого слова в этой строке сохранились лишь следы. Можно предположить, что это слово *wt* не связано с другим словом этой строки и так же, как и слово *wt* следующей пятой строки, является скорее какой-то отметкой.

Приблизительный перевод этой надписи облегчается наличием в Мугском собрании рукописей с титулатурой адресата, близкой к данной.¹

Опыт перевода

- 1.
2. богу царю великому
3. уделов² славному (?) тархану
4. удел (?)
5. удел (?)

Rβēh представляет, повидимому, идеограмму *Rβ* 'большой' и суффикс прилагательного — *ēh*. О слове *'wth* в значении 'удел' см. статью «Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане».² Правописание слова *twryn*[*w*] вместо *tryn* или *tryn*³ 'тархан' — титул находившихся под покровительством турок владетельных лиц Средней Азии — с колеблющейся огласовкой (*tryn* || *twryn*) а || и в первом слоге перед *γ*, отражающей огубленный характер произношения этого согласного, подтверждает высказанное мною в вышеназванной статье, на основании Мугской коллекции, на стр. 161—165, в согласии с более ранними источниками и высказываниями (Аль-Бируни, Wellhausen), мнение о тождестве слов 'тархан' и 'тархун' (в действительности 'тархан') и о тождестве Диваштича и Тархуна.

¹ Ср. выше, стр. 297, прим. 2.

² См. А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане (Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г.), Труды Института Востоковедения, XVII, М.—Л., 1936, стр. 141. Пользуюсь случаем дополнить ее указанием на приведенный Ф. В. К. Мюллером, в приложении к статье о «персидских» календарных терминах из неизданных манихейско-согдийских текстов, список названий согдийских месяцев (F. W. K. Müller. Die «persischen» Kalenderausdrücke im chinesischen Tripitaka, SPAW, Berlin, 1907, S. 8). Приведенные в этом списке названия для второго месяца — خورزنج — очевидно соответствуют *γwryznyēh* наших документов.

³ См. стр. 153, 155 (фиг. 4) и 161—165 цитированной выше статьи.

Б. На наружной (выпуклой) стороне (табл. 2).

1. *pruw*
 ⁿ
 β
2. *'δh*
3. *20—20*
4. *'δγ'*
5. *'δh*
6. *δ*

Опыт перевода

1. вместе (? , слава?)
2. два (? вещь?)
3. 20—20
4. три
5. два (? вещь?)
6. ?

Отсутствие здесь контекста, то обстоятельство, что от отдельных строк сохранилось лишь по одному слову, крайне затрудняет перевод этих слов. Тем не менее, несомненное наличие в двух строках числительных: в третьей строке числительного 40, обозначенного цифрой, и в четвертой строке — слова 'три', написанного буквами, а может быть также во второй и пятой строке, где *'δh*, быть может, написано вместо обычного *'δw* 'два', позволяет предполагать, что контекст этих строк в первоначальном виде представлял перечисление каких-то вещей или обозначал вместимость сосуда, на котором они были написаны и от которого сохранился обломок.

Резюмирую вышеприведенные данные об обломке и надписи на нем. Надпись на вогнутой (внутренней) (табл. 1) стороне обломка адресована какому-то знатному, быть может владельческому лицу. Надпись на выпуклой (внешней) (табл. 2) стороне в сохранившейся части на глазури представляет, повидимому, указание на число каких-то предметов, на количество их. Вероятнее всего, надписи сделаны на цельном сосуде, а не на обломке сосуда, и надпись на выпуклой поверхности обозначала содержимое сосуда; надпись на внутренней стороне поверхности была сделана в верхней, доступной для писавшего, как было уже сказано выше, поверхности

сосуда, причем грань Д — Е должна была близко подходить к верхнему краю горлышка сосуда, так как начала второй и третьей строки сохранились, а надпись на внутренней стороне не могла быть сделана далеко от края сосуда. Не вполне понятным может казаться наличие адреса, посвящения на внутренней стороне (горлышка) сосуда, и это обстоятельство могло бы говорить против только что высказанного взгляда. Но посвящение могло быть написано также и на несохранившейся наружной части сосуда, а Мугская коллекция документов сохранила нам образцы писем с двумя адресами: в начале и конце письма.

Каково бы ни было решение этого вопроса: написана ли эта надпись на цельном сосуде и является ли данная находка находкой *in situ*, с очевидностью демонстрирующей употребление известной частью населения Мерва VIII в. согдийского письма и языка, или же эта надпись сделана на обломке, употребленном в качестве материала для письма, обломке, который с надписью мог быть привезен из другого места, — во всяком случае несомненно большое культурно-историческое значение этой находки, вызывающее пожелание дальнейших в этом направлении успехов.

Ленинград.
Декабрь 1936 г.